

Екатерина Мельникова

Эсхатологические ожидания рубежа XIX–XX веков: конца света не будет?

Термин «эсхатология» был заимствован в словарь гуманитарных дисциплин из области догматического богословия, где означал *«учение о последних вещах, о конечной судьбе мира и человека»* [Трубецкой 1995: 268]. В контексте исторических исследований понятия «эсхатология» или «эсхатологические представления» оказались актуальными прежде всего для интерпретации резких социальных изменений, происходивших в обществе в периоды широкого распространения литературы апокалиптического содержания. Скудость источников относительно настроений «молчаливого большинства» вынуждала исследователей пользоваться для их анализа литературными образцами самих апокалиптических сочинений, в результате чего количественное измерение подобных текстов приобретало значение качественной характеристики исторической эпохи или социальной группы. Эсхатологическая окраска традиционно приписывается концу XV и второй половине XVII вв. В рамках этой научной парадигмы оказались синонимичными такие понятия, как «эсхатологический кризис», «всплеск эсхатологических ожиданий», «пик апокалиптических настроений», или собственно «эсхатологические ожидания». В

Екатерина Александровна
МЕЛЬНИКОВА
Европейский университет
в Санкт-Петербурге

этом контексте история эсхатологических ожиданий в России видится как история собственно эсхатологических кризисов.

Несколько иначе феномен эсхатологических ожиданий трактуется в работах, посвященных традициям неписьменной, народной эсхатологии [Viola 1990, Белоусов 1991, Власова 1998, Тарабукина 1998, Левкиевская 1999, Священное Писание... 1999, Маслинский 2000, Panchenko 2001, Ахметова 2003]. Обращаясь к опубликованным и архивным материалам конца XIX—XX вв., большинство авторов рассматривают слухи и толки о конце света не как свидетельства очередного эсхатологического кризиса, а как примеры определенного типа фольклорных текстов, воспроизводимых на протяжении нескольких поколений. Возможность использования понятия «эсхатологический кризис» в этом контексте весьма сомнительна: если мы предполагаем, что эсхатологические нарративы функционируют в сообществе непрерывно, то оказывается неясным, какими должны быть критерии выделения периодов эсхатологических кризисов. По этой причине, думается, в большинстве фольклористических работ, интерпретирующих крестьянские пророчества о последних временах, понятие «эсхатологический кризис» не используется.

Исключение составляет статья Л. Вайола, посвященная «эсхатологии» русских крестьян 1920—1930-х годов. Исследовательница характеризует этот период как *«апокалиптический всплеск»*, вызванный *«драматическими социальными изменениями»* и наблюдавшийся *«в тех группах, которых эти изменения коснулись в наибольшей степени»* [Viola 1990: 749]. Подобный подход, как представляется, во многом обусловлен результатами исследований так называемых кризисных культов [La Barre 1971, Lanternari 1974] аборигенов Америки, Азии и Африки, вариантами которых считаются карго-культы Меланезийских аборигенов, Ghost dance американских индейцев, тау тау африканских племен и др. Среди многочисленных моделей, предложенных для объяснения возникновения подобных религиозных движений¹, существенное место занимает так называемая аккультурационная, впервые предложенная в 1943 г. Р. Линтоном. Впоследствии именно эта версия получила наиболее широкое распространение, став, как пишет Ла Барр, *«своего рода «антропологическим объяснением» причинности [явления]»*. *С этой точки зрения ответственность за возникновение кризисного культа несет некоторый «культурный конфликт»*² [La Barre 1971: 20].

Тот факт, что кризисные культы в различных областях ойкумены нередко сопровождалась мессианскими и апокалиптическими пророчествами, естественно заставляет обратиться к ним

¹ См. список используемых для их обозначения терминов в [Lanternari 1974: 486–487].

² *«The acculturational theory might be called a kind of «anthropological explanation» of causality. In this view, some sort of «culture clash» is held responsible for engendering the crisis cult».*

в поисках параллелей к эсхатологии русских крестьян. И если в работе Л. Вайола подобное сопоставление только подразумевается, то в исследовании А.А. Панченко оно выражено вполне эксплицитно. Согласно его выводам, *«эсхатологические ожидания русского крестьянства, функционировавшие в течение XX в. в форме нарративов о «последних временах», в существенной степени связаны с процессами аккультурации, воздействия более развитой в техническом отношении культуры на культуру более слабую. Такие процессы, сопровождающиеся изменением социальной структуры и перестройкой аксиологических систем, неизбежно вызывают определенное социальное напряжение. Нередко оно выражается в форме различных мессианских движений. Классический пример движений этого рода — меланезийские «карго-культы», получившие широкое распространение в первой половине нашего столетия»* [Панченко 2002: 364].

Результаты, к которым приходят Л. Вайола и А.А. Панченко, отталкиваясь, очевидно, от одного и того же подхода, различны. Л. Вайола рассматривает эсхатологические ожидания 1920–1930-х годов по сути дела как кризисный культ, или *«nativistic movement»* в терминологии Линтона (Linton 1943). Социальные изменения, связанные с постреволюционными событиями, описываются в ее работе как непосредственные причины апокалиптического всплеска в русской деревне. А.А. Панченко делает вывод о том, что аккультурация — главная и универсальная, во всяком случае для периода конца XIX–XX веков, функция эсхатологических нарративов. Хотя и в том, и в другом случае речь идет об адаптации социальных изменений, концепция Л. Вайола предполагает существование *«особо значимых», «исключительных»* социальных изменений — именно тех, которые способны вызвать эсхатологический кризис. С точки зрения А.А. Панченко, эсхатологический нарратив способствует процессам аккультурации вообще, т.е. адаптации любых воздействий одной культуры на другую. Если попытаться развить эту мысль, то можно прийти к следующему выводу: именно эсхатологический нарратив и позволяет выяснить, *что именно* в той или иной группе воспринимается как новшество, требующее адаптации. Использование понятий «апокалиптический всплеск» или «эсхатологический кризис» с этих позиций также возможно. Но главный вопрос, который возникает в этом случае — что именно адаптируется эсхатологическим нарративом в периоды особенной популярности слухов о конце света.

С необходимостью ответить на этот вопрос или хотя бы попытаться это сделать я столкнулась, обнаружив материалы об ожиданиях конца света на рубеже XIX–XX вв. Этот период никогда не рассматривался как время эсхатологического кризиса. А.А. Панченко включает свидетельства этого времени в общий ряд с текстами, записанными в конце XX века М.Н. Власова, опубликовавшая одно из дел Тенишевского архива 1899 г., ви-

дит в крестьянских толках о комете, активно обсуждавшейся в то время, реализацию универсальных представлений о комете как предвестнице войн и несчастий. «*Восприятие комет, — как отмечает автор, — остается на протяжении столетий в общих чертах неизменным*» [Власова 1998: 386].

Однако собранные к настоящему моменту материалы позволяют утверждать, что эсхатологические слухи рубежа XIX—XX вв. существенно отличаются как от более ранних, так и от более поздних. Большинство источников рисуют перед нами картину повсеместного распространения в этот период слухов о конце света. В рамках этой статьи я попытаюсь проанализировать содержание, источники и функции подобных рассказов в крестьянском сообществе, а также ответить на вопрос о релевантности понятия «эсхатологический кризис» в данном социально-историческом контексте.

О популярности на рубеже веков слухов о надвигающейся гибели мира свидетельствуют как опубликованные, так и архивные материалы¹. Одна из брошюр начала XX в. начинается словами: «*Еще один новый конец мира! На этот раз светопреставление, или кончина мира, досуужми умам назначено на 25 марта 1912 года*» [№ 12: 1]². И далее просветитель, передавая широко распространенные слухи, пишет: «*И не только это совпадение³, — продолжают они, — говорит о близком конце, но и все окружающее нас: всюду войны, смуты, народные восстания, изгоняются цари земные, народ терпит голод, всюду бродят смутьяны, соблазняя легковверные сердца... Среди нас уже живет антихрист, который пока только ждет своего дня, чтобы восстать пред смущенным народом и повести его в преисподнюю ада на вековечные мучения и страдания. <...> Ведь еще недавно, когда в 1899 году светопреставление было назначено на 1-ое ноября, произошло много прискорбных недоразумений и курьезов. Среди доверчивых и невежественных масс нашлись такие наивные российские обыватели, которые поверили всяким кривотолкам о кончине мира и стали готовиться к смерти. Они продавали свое имущество ловким аферистам, удачно оперировавшим на легковверии ближнего*» [Там же: 2]. Судя по манере автора, он обращается к читателям, хорошо осведомленным о повсеместном ожидании конца мира. Точно так же об этих слухах пишет один из корреспондентов кн. В.Н. Тенишева: «*Во всех уездах описываемой мною местности⁴ в Сентябре-Октябре текущего года среди крестьян цир-*

¹ Трунов 1869; Светопреставление 1882 [№ 21 в Приложении]; Ефименко 1887; Иваницкий 1890; Плющевский-Плющик 1898; Суворов 1899; Иванов 1900; Дикарев 1895, 1896, 1900; Иванов 1901; Конец мира 25 марта [№ 12 в Приложении]; Пословицы... 1905; Богатырев 1916; Костоловский 1916; Смирнов 1916; Власова 1998; ТА. Дд. 766, 798, 803, 806, 884, 1750.

² Здесь и далее номера в скобках указывают издание по Приложению.

³ Речь идет о совпадении в 1912 г. дней Благовещения Богородице и Пасхи.

⁴ Речь идет о Даниловском уезде Ярославской губернии.

кулировали слухи о том, что в Ноябре месяце (по словам одних 4го, по словам других 13) будет конец мира. Слухи эти были довольно разнообразны» [ТА. Д. 1750. Л. 7].

Сама публикация на рубеже XIX–XX вв. слухов о конце света была фактом неординарным. Большинство изданий фольклора того времени предлагали вниманию читателей монологические тексты — краткие или развернутые. Здесь же пересказываются крестьянские диалоги. Именно многообразие слухов, на которое обращает внимание тенишевский корреспондент, наряду с их поразительной фантастичностью, делали народные рассуждения столь привлекательными для любителей фольклора. А. Балов, хорошо известный как церковный публицист конца XIX в., составил своеобразный список народных «версий гибели мира». В него вошли «звезда с хвостом», «которая упадет на землю и земля рассыпется» или сгорит; «огненный дождь»; «обыкновенная звезда», от падения которой земля «рассыпется на мелкие кусочки» [Там же]. Я, в свою очередь, могу добавить в него «каменный град», «серный дождь», «планету», которая может притянуть всех людей к себе, сбить Землю с ее пути или отколоть от нее небольшую часть.

Большинство пересказанных слухов представляют собой литературные обработки устных рассказов. Наиболее кропотливые корреспонденты старались максимально красочно воссоздать саму ситуацию обсуждения темы гибели мира в крестьянской среде. Поэтому такие описания схематичны и напоминают скорее сценарии диалогов, чем их записи. Характерный пример находим в рукописи В. Антипова — одного из сельских учителей Новгородской губернии. Распределение ролей в представленном им диалоге, очевидно, авторское. Одну из них исполняет старообрядец, изображенный по всем правилам того времени:

«Смотри, какие времена-то пошли! Вот уже третий год все неуурожайи — ни хлеба, ни сена. Да за дело Господь карает: что только нынче и творится! Пьянство, драки, сквернословие, убийства. Было ли прежде это? Нет... мы не только чай лопать да табак жрать, а боялись и думать об этом. А теперь? Другой еще не смыслит носа потереть, а уже водку трескает, по улице с гармоникой идет и сигарка в зубах. Недаром в слове Божьем сказано, что в мире под конец света явятся три богатыря и покорят весь свет. Богатыри эти пришли и покоряют уже мир. А вы поди и не знаете этих богатырей? Это вино, табак и чай»... Все слушатели были ошеломлены речью мужика: в ней слышалось что-то пророческое...» [ТА. Д. 803. Л. 14 об.—15].

В. Антипов в данном случае апеллирует к известной «эсхатологичности» староверов, о которой в то время много писали¹. Ас-

¹ Эсхатологическим настроениям в среде старообрядцев был посвящен целый раздел книги Я.А. Плющевского-Плющика [1898], часть материалов которого была перепечатана в работе А. Беляева [1898: 955–959].

кетизм, осмысление мира как антихристового царства, вино, табак и чай как главные враги человечества — все это традиционные стереотипы описания старообрядцев, хорошо известные просвещенной публике конца XIX в.¹ Появление такого старообрядца на крестьянской беседе кажется маловероятным, а его слова — изрядно надуманными. Такое же впечатление оставляет и отрывок из другой рукописи:

«Было у ней <одной старухи>² куплено себе на платье ситцу, с тем чтобы сшить его к Казанской (8 июля), но услышав толки о каменном граде, она решила поскорее сшить его и за недолго до Троицы пошла в церковь в новом платье. “Ай, тетя Марфа, у ты ново платье!” — сказала ей знакомая баба. “Да что ты <нрзб.>, Марьюшка: хотела сшить к Казанской, а говорят на Троицу може светопереставление будет, та я и думаю хоть маленько поносить, да и на смерть пригодится! Така просто страсть, што и оборони Господи”» [ТА. Д. 766. Л. 18].

Имена главных героинь — Марфушка и Марьюшка — по всей видимости, сознательно выбраны составителем и должны были вносить в этот текст специфическую христианскую метафорику³. Ту же цель, вероятно, преследовал и В. Суворов. С помощью инверсии глаголов в предложении и специфической ритмики фраз, создаваемой дополнительными союзами, он придал народному рассказу о последних временах черты библейского сказания: *«Небо свернется в скатерть; эта старая земля сгорит, а будет новая и на ней Господь устроит рай. И будут пороть железными прутьями Сатану двенадцать ангелов и будет верещать он на всю вселенную, а потом кинут его на кумову постель. А та постель такая, что ее теперь боится он: вся в огне, вколочены в нее железные гвозди...»⁴ [Суворов 1899: 394].*

Материалы рубежа XIX—XX вв. были в значительной степени продуктами литературной работы, что заставляет критически взглянуть и на сам факт их появления. В данном случае мне представляются важными два момента.

Во-первых, каждый из публицистов, издавая варианты крестьянских слухов о гибели мира, преследовал определенную цель. В одном случае это было желание реабилитировать «народ» как носителя истинной религиозности (Суворов), в другом — продемонстрировать его «серость» и «непросвещенность». В конце

¹ Как я полагаю, эти же стереотипы продолжают действовать и сейчас. Ср.: «Глубокий и радикальный пессимизм», который А.А. Потемня считал «характерной чертой тех слоев народа, для которых наибольшее практическое значение имеет поверье, обычай и вообще народная поэзия», составляет суть старообрядческой культуры» [Белусов 1991: 9].

² В треугольные скобки помещены отрывки, плохо читаемые в рукописи.

³ Хочу выразить признательность А.Л. Львову за то, что он обратил мое внимание на эту параллель.

⁴ В цитатах здесь и далее сохранена орфография и пунктуация автора.

XIX в. последняя интенция была особенно сильна [см., например, Von Geldern 1996]. Иногда просветительская манера автора носила характер резкой проповеди (ср.: «*Мы же, ссылаясь на священное писание, на науку и житейский здравый смысл, смело говорим: “Люд российский, не верь темным слухам и помни, что ни один волос человеческий не упадет с головы без воли Господа Бога”*» [№ 12: 16]), иногда мягкого объяснения, сделанного местным учителем («— *Правда ли, что скоро явится антихрист, что наступают последние времена? — С таким вопросом обратилась ко мне в начале марта н. г. одна из знакомых крестьянок. — Это кто вам сказал? — спросил я. — Это говорил солдат. Он читал в газетах, что один ученый написал об этом даже книжку. А разве в вашей газете не было о видении? — Ничего не было. О каком видении вы говорите?»* [Иванов 1901: 134]¹. Одним из наиболее ярких примеров подобного взгляда служат воспоминания В.Г. Короленко. Описывая события августа 1887 г., когда в окрестностях г. Юрьевца собралось множество астрономов, чтобы наблюдать солнечное затмение, он задается риторическим вопросом: «*Ох, скоро ль будет день на святой Руси... — пишет он, — тот день, когда рассеются призраки, недоверие, вражда и взаимные недоразумения между теми, кто смотрит в трубы и исследует небо, и теми, кто только припадает к земле, а в исследовании видит оскорбление грозного бога?»* [Короленко 1954 (1887): 60].

Свою основную задачу многие авторы видели в том, чтобы обратить внимание публики на «*темноту умов*», все еще существующую в то время, «*когда наша наука достаточно развилась*» [№ 12: 9]. Отсюда, видимо, и непереносимое указание явления неправильно, с точки зрения автора, понятого крестьянами и ставшего причиной слухов:

«Так, в Ростовском уезде явился слух о том, что какая-то женщина-монахиня на воздушном шаре прилетела в столицу и там, «где следует», объявила о рождении антихриста. Там же говорили, что в воздухе носятся какие-то шары, которые внезапно падают на человека и бесследно его уничтожают. Источником такого слуха был шар, пущенный метеорологами, который превратился в шары, побивающие людей, и приурочен был к кончине мира и переписи» [Плющевский-Плющик 1898: 72].

Второй момент, который, как мне кажется, следует иметь в виду, — это популярность в городском обществе последней трети XIX в. астрономических открытий и самой астрономии. О кометах в это время писали не только потому, что их обсуждали

¹ Еще один пример: «*Группа ребят школьников, собравшись вместе, стала рассуждать о последних днях и о бедствиях, которые постигнут всех, и сразу все приуныли. Когда я [учительница] стала их разубеждать, то они просто заявили: “Как же не верить, когда об этом пишут, да еще как? — все знаки препинания расставлены, значит пишут умные люди, а как же не верить?”*» [Смирнов 1916: 123].

в деревне, но и потому, что они были модной темой для разговора в столичных салонах.

С 60-х годов XIX в. начинается активная деятельность по популяризации астрономии [Луцкий 1982: 17]. Во многом этот процесс был инициирован Камиллом Фламарионом, работавшим в Парижской обсерватории и опубликовавшим множество книг по популярной астрономии [см. о нем: Стражева 1995]. В 1860—1870-х годах он издает пособия для самостоятельных наблюдений неба любителями науки, проводит общенародные астрономические конференции в Париже, выступает с публичными лекциями по всей Европе. Практически все его книги были переведены на русский язык. Среди них «Популярная астрономия» [1880, 1897, 1900, 1902, 1904, 1908, 1913], «По волнам бесконечности. Астрономическая фантазия» [1893, 1894], «Общедоступная астрономия» [1889, 1892, 1894, 1900, 1903, 1904, 1908, 1914], «Светопреставление. Астрономический роман» [1893], и она же под заглавием «Конец мира» [1893, 1894, 1895, 1905, 1908], «Астрономия для дам», и она же под заглавием «Популярные лекции по астрономии» [1905, 1906], «Основы астрономии в общепонятном изложении. Для учителей и самообразования» (1909). С выходом в свет «Популярной», или, как ее иногда переводили, «Живописной астрономии» К. Фламарион становится одной из самых известных личностей в России [Щербаков 1933]. В это же время внимание привлекают публичные лекции профессоров астрономии: в Московском университете — Ф.А. Бредихина (по теории кометных форм), в Петербурге — В.Я. Струве, в Харькове — проф. Т.Ф. Осиповского, в Казани — Н.М. Лобачевского [Луцкий 1982]. В 1888 г. создается Нижегородский кружок любителей физики и астрономии, в 1890 — Русское астрономическое общество, в 1908 — Московское общество любителей астрономии. В период с 1888 по 1910 гг. по всей России открывается более десятка различных обществ и кружков, объединяющих любителей астрономии. Помимо профессиональных обсерваторий, открытых еще в 1830-е гг. в Москве, Казани и позднее — в Петербурге, на рубеже веков появляются и так называемые «народные обсерватории», доступные для всех желающих [Там же: 64]. С 1880-х гг. в Москве действуют две частные обсерватории, открытые в рекламных целях. Устроенные на крышах небольших магазинов, торгующих оптикой, они были бесплатными и привлекали немало любопытных [Там же: 75—76].

Наибольший интерес для обывателя представляли кометы. Все самые последние открытия в этой области немедленно становились известными широкой публике. В 1884 г. королевский астроном Р. Болл читает в Британском обществе в Монреале доклад, посвященный кометам. В том же году его речь издается на русском языке в «Русских ведомостях» и отдельной брошюрой [№ 1]. В 1892 г. в Берлине выходит книга Чарльза Блунта и

Рудольфа Фальба «Der Weltuntergang» [«Гибель мира»]¹, посвященная приближению кометы. На ее основе в 1899 г. в Лодзе публикуется брошюра «Koniec swiata w dnin 13-ym Listopada 1899 г.», и в том же году появляются четыре русских обработки польской книги под названием «Конец мира 13 Ноября 1899 г.» [№ 13, 14, 15, 16]. Многие сочинения авторитетных специалистов, таких как К. Фламарион и Л. Бельше, издавались одновременно и как бесплатные приложения к толстым журналам — «Вокруг света», «Вестник знания» и другим. В период с 1882 по 1912 гг. было опубликовано несколько десятков различных брошюр, посвященных комете. О степени популярности самого слова «комета» свидетельствует число литературных альманахов, в названии которых оно используется [Комета 1881, 1894, 1895, 1905, 1906, 1910, 1911, 1912]. Для сравнения: за все предшествующее время вышло только четыре аналогичных издания [Комета 1830, 1851, 1858, Комета Белы 1833]. Повальное увлечение кометами достигло апогея к 1910 г., в течение которого вышло несколько десятков книг, посвященных этому явлению.

Сочинения академических специалистов и лубочная литература конца XIX в., конечно, с трудом уживаются в одном ряду². Преследуя различные цели, их авторы, тем не менее, в равной степени определили моду на астрономию вообще и кометы в частности.

Появление публикаций народных слухов о комете в этом контексте становится более понятным. На их примере авторы могли показать тот значительный разрыв, который, с их точки зрения, существовал между просвещенной новой нацией и «отсталым, необразованным» русским народом. Впечатление, будто русская деревня повсеместно охвачена слухами о грядущей гибели мира, во многом было создано искусственно. Крестьянские рассказы о последних временах бытовали и до, и после этого времени [Трунов 1869]. Всеохватная, пронизывающая все слои общества «эсхатологичность» была, скорее, инструментом публицистического дискурса, чем явлением, имевшим отношение к поведению людей. Дело не в том, что на рубеже веков русскую деревню охватывает панический страх грядущего конца мира, а, скорее, в том, что публицисты этого времени хотели создать именно такое впечатление.

Отказываясь от использования понятия «эсхатологический кризис», в данном случае я отнюдь не имею в виду того, что в это

¹ Широкий резонанс в Европе и России она получила еще до перевода [Миловидов 1899: 341, примеч. 1].

² Нужно, правда, отметить, что различие между ними далеко не всегда было очевидно. Например, в 1909 г. Московский кружок любителей астрономии издал брошюру «К появлению кометы Галлея», иллюстрации к которому выполнил А. Васнецов, бывший также членом кружка. Хотя, с точки зрения автора, эта брошюра носила научный характер, круг ее читателей, очевидно, превосходил число профессионалов в этой области.

время не бытовали рассказы о комете и грядущей гибели мира. Но эти рассказы имели, видимо, различную форму, различные источники и различные функции.

Мода на астрономию и кометы, в короткие сроки распространившаяся в крупных городах, не обошла стороной и деревню. Информационная граница между городом и селом, видимо, и раньше не была такой уж непроницаемой [Von Geldern 1996]. В конце же XIX в. значительно увеличивается число отходников, уезжающих в город на временные работы. После реформ в сфере образования и книгоиздания во второй половине XIX в. в русской деревне происходит скачок уровня грамотности, с одной стороны, и резко увеличивается число доступных книжных изданий, с другой [Brooks 1985: xiv, Рейтблат 1991: 5]. С конца XIX в. регулярной практикой в деревне становится чтение газет, увеличивается число подписчиков журналов [Brooks 1985: 28]. Информация, рождающаяся в городе, попадает в деревню практически молниеносно. Во всяком случае, известно, что брошюры с описаниями кометы 1899 г. читались в деревне еще до наступления назначенной в них даты. Отношение крестьян к «просвещенному дискурсу» и информации, приходящей из города, в конце XIX в. значительно меняется. Председатель Нижегородского кружка любителей физики и астрономии С.В. Щербаков рассказывает, например, историю крестьянина Павловского уезда Нижегородской области К.И. Каплин-Тезико, который самостоятельно выучил французский язык для того, чтобы прочитать книгу К. Фламариона, получал журнал «L'Astronomy» и купил «рефрактор» для изучения звездного неба [Щербаков 1933: 183]. О сельском «Антоне-Астрономе», наблюдавшем звезды на чердаке собственного дома с помощью самодельного устройства, вспоминает и Н.С. Лесков¹ [Лесков 1989: 114–115]. Конечно, можно рассматривать эти случаи как исключительные. Но, как бы то ни было, они имели место, и, хотя не многие крестьяне покупали дорогостоящую оптику, обсуждение астрономических открытий, вероятно, было для них в конце XIX в. таким же естественным занятием, как и для горожан. Я приведу несколько примеров из диалога, пересказанного В. Антиповым:

«Я слышал», начал один из толпы, «что перед Страшным судом будут падать камни с неба в таком множестве, как дождь. Земля загорится и вся сгорит»...

«Нет, а я слышал не так», возразил другой: «планета с землей не ударится, а пойдет сперва серный дождь, а потом огненный, и загорится вся земля. От этого и будет конец мира». Третий полагал, что если бы в земле вырыть глубокую яму — верст 20 в длину,

¹ В примечании к этому сюжету Н.С. Лесков подчеркивает, что описывает реального человека, с которым он лично был знаком.

15 — в ширину и 10 вглубь, тогда планета свалится в яму и ничего не будет. Если планета пойдет выше земли, то надо целой волостью стоять с длинными шестами, тогда можно оттолкнуть ее...

«А мы в городе мостили улицу, так один купец вот как нам говорил», начал четвертый: «Если планета пойдет мимо земли и заденет за горы, тогда земля перевернется вверх дном, и мы полетим в Тар-Тарары. Планета, солнце и все звезды упадут на землю. Если они ударятся о сухое место, так перебьют и передавят всё у нас, а как в море обрушатся, то выплеснет всю воду, и вода нас затопит»...

«А вернее всего то, что планета собьет нашу землю с пути». «С какого такого пути?», — недоумевали некоторые. «А вот с какого: я читывал в одной книге, что земля ходит по пути, это, значит, ее дорога; вот как столкнется планета с землей и собьет ее с этого пути. Земля тогда будет зря по свету болтаться и попадет в такую страну, где нет ни света, ни солнца. Наступит тогда тьма. А и в писании сказано, что перед конуном мира не будет света, а все тьма» [ТА. Д. 803. Л. 15–17].

Появление темы «конца мира», как мне кажется, не должно вводить в заблуждение. Структура и стилистика этих текстов ставят их в один ряд скорее с научно-популярными гипотезами о столкновении Земли с кометой, чем с традиционными эсхатологическими нарративами. Предметом обсуждения здесь являются не реалии окружающего мира, интерпретируемые как признаки «последних времен», а возможная катастрофа, никаким образом не связанная с поведением людей. Народные версии зачастую дословно повторяют опубликованные в лубочных изданиях. Для сравнения приведу оглавление одной из брошюр о комете: *«Каковы же результаты столкновения кометы Галлея с землей; Что будет, если хвост кометы состоит из ядовитых газов; Какова судьба нашей планеты, если хвост кометы состоит из азотных закисей; Каков наш удел будет, если газы окажутся окисью углерода; Научные данные о комете Галлея; Что будет, если хвост кометы состоит из каменных глыб; Какова же судьба мира, если хвост будет состоять из металлических руд» [№ 17].*

В данном случае перед нами — один из способов «присвоения» крестьянами городского дискурса. Крестьяне используют его с той же целью, что и сами публицисты — для того, чтобы продемонстрировать собственную «просвещенность» и «осведомленность» о самых последних новостях.

Другой способ освоения новой информации в деревне связан с возможностью ее нарративизации в рамках общепринятого эсхатологического пророчества. В этом смысле опыт описания комет как предвестниц бед и несчастий, безусловно, способствовал распространению слухов о ней. Но в отличие от предыдущего типа рассуждений, в контексте эсхатологического нарратива комета уже интерпретируется как *признак* конца мира, а не его причина:

«Воздушные шары и цеппелины не что иное, как наваждение Антихриста. Он это носится по воздуху. Ему мало земли, так он придумал еще соблазнять грешников сверху в воздухе и под водой. Недолго остаётся существовать миру. В писании сказано так, говорят они, что перед кончиной мира будут знамения на небеси и на земли. И вот знамения эти были, по небу ходили кометы, солнце и луна помрачились и на земли же знамения есть. Антихрист нашёл и окутал землю сетями (подразумеваются телеграфные провода). Вся земля измерена в вершки. Антихрист прельстил людей» [Смирнов 1916: 123].

В подобных текстах обычно и возникает апелляция к поведению людей, а сами сообщения воспринимаются как своеобразные руководства к его изменению. Оба типа рассуждений, конечно, не были изолированы друг от друга. И в этом смысле объединение их в один ряд кажется уместным. Во время беседы, вероятно, одни из крестьян воспринимали рассказы о комете как городскую новость, а другие — как пророчество. В пересказе богомольной странницы рассказ о комете, вполне вероятно, принимал форму эсхатологического нарратива:

«В Питере, матушка моя, на Елеонской горе есть высокая башня, а на той башне спорят четыре прохессора и глядят в трубу на небо. К ним часто и сам батюшка царь ходит и изволит разговаривать. Ну вот эти-то прохессоры <весной> еще до Святой и вычислили по небесным планидам што на Троицу либо на Миколин день выпадет над нашими царством каменный град и што каждая градина будет весом до полтора фунта. Вот, как побьет нас грешных и начнется светопреставление. В Питере во всех церквах молебны служат, а отец Иоан Кронштадский Тихвинской игуменье письмо написал, чтобы, значит, к смерти готовились и каились в прегрешениях! Эх, матушка, за грехи Господь карает свет!» [ТА. Д. 766. Л. 16].

Но, несмотря на общность тематики рассуждений первого и второго типов, они представляют собой разные способы освоения новой информации, идущей из города. Каждый из них является выражением определенного дискурса, и его использование связано с интенцией рассказчика.

Подводя итоги, можно сказать, что рубеж XIX—XX вв. не был связан с массовым распространением ожиданий конца света и понятие «эсхатологический кризис» в данном случае может быть применимо только к тому впечатлению, которое хотели создать публицисты этого времени. Увлечение астрономией и научными открытиями привело к своеобразному информационному буму, отклик на который мы находим и в деревне. Новая информация, ставшая доступной для крестьян, осваивалась ими по-разному, давая одним возможность «приобщиться» городской науке и становясь предметом интерпретации в контексте эсхатологического нарратива для других.

ПРИЛОЖЕНИЕ: БРОШЮРЫ «О КОНЦЕ МИРА»

1. *Болл Р.С.* Кометы. Речь, которую произнес в годичном собрании (1884 г.) Британского общества в Монреале королевский астроном для Ирландии Роберт Болл. М. 1884. 30 с. (издана также в: Русские ведомости. 1884. № 274).
2. *Гибель мира* 18 мая 1910 года от кометы Галлея. По исследованиям известного директора парижской обсерватории профессора Камилла Фламариона. М.: Тип-я Евангельского общества юношей, 1910. 3-е изд. 16 с.
3. *Грен А.* Комета Галлея. М.: Максимов, [1910]. 16 с.
4. *Из области астрономии.* Две кометы вместо одной — Комета Биела — Раздробление светил [и другие заметки]. СПб., [1882]. (опубликовано также в: Правительственный вестник. 1882. № 246).
5. *Комета* (Галлея). Погибнет ли земля в текущем 1910 году. Ростов-на-Дону: Изд-е И. Р-ва, [1910]. 16 с.
6. *Комета* (легенда). Одесса: Изд-е М.И. Новикова, 1910. 1 с.
7. *Комета* виновата (быль). М.: Максимов, 1910. 16 с.
8. *Комета* Галлея и ея предстоящая встреча с землею. Мнение профессора К. Фламариона о комете Галлея. М.: Тип-я П.В. Бальцова, 1910. 16 с.
9. *Комета* Галлея и предстоящее столкновение ее с землей. Прохождение земли через хвост кометы. СПб.: Тип-я А.И. Белокопытова, 1910. 16 с.
10. *Комета* Галлея. СПб.: Тип-я А.И. Белокопытова, [1910]. 16 с.
11. *Кометы* и падающие звезды. Харьков, 1899. 18 с. (отдельный оттиск из газеты «Южный край»).
12. *Конец мира* 25 марта 1912 года [новые толкования о будто бы предстоящем конце мира]. СПб.: Типо-литография К.И. Лингарда, [1912]. 16 с.
13. «*Конец мира*» 13 ноября настоящего 1899 года. Сост. по Фламариону, Фальбу и другим источникам. СПб.: Коммерческая типо-литография, 1899. 32 с. [в конце текста подпись: В.В. Д-ман].
14. *Конец света!* 13 ноября 1899 года. По профессору Р. Фальбу / Пер. М.Ю. Татарова. СПб.: Тип-я М. Пайкина, 1899. 16 с. (изд. также под загл. «Светопреставление 13 ноября 1899 года». СПб., 1899).
15. *Конец света!* 13 ноября 1899 года. По профессору Р. Фальбу / Пер. И. Бронского. СПб.: Изд. А. Касаткина, 1899. 15 с.
16. *Конец света!* 13 ноября 1899 г. по теории профессора Р. Фальба. СПб., 1899.
17. *Кончина* Мира 5 (18-го) мая 1910 года. Комета Галлея. Мнения ученейших и мудрейших людей. Лейпцигское издание Вильгельма Добера / Пер. с нем. А. Бланк. М.: Тип-я И. Люндорфа, 1910. Изд. 4-е. 16 с.

18. *Кончина мира*. М.: Тип-я Филатова. [1906]. 1 с. (листовка).
19. [*Нестеров А.К.*] *Комета 1858 года, и о явлениях комет вообще, по наблюдениям многих знаменитых астрономов*. СПб.: Тип-я К. Метцига, 1858. 16 с.
20. *Р-н В.В.* *Кометы 1910 г.* Харьков, [1910]. 32 с.
21. *Светопреставление*. Кое-что из небесной механики [о кометах]. СПб.: Тип-я Цедербаумов и Гольденблюма, 1882. 27 с.
22. *С. Г.* *Комета*. I. Что такое кометы? II. Кометы и бедствия. III. Столкновение с кометой. IV. Кометы и суеверие. Киев, 1910. 16 с.
23. *Сенявин Л.А.* *Комета Галлея*. Полтава: Элект. тип-я Г.И. Маркевича, 1910. (оттиск с № 6—7 епархиальных ведомостей за 1910 год).
24. [*Фальб Р.*] *Светопреставление 1-го ноября 1899 г.* СПб., 1899.
25. *Фламарион К.* *Предстоящий звездный дождь 2 ноября 1897 г.* СПб., [1897]. 16 с.

Архивные источники (Тенишевский архив)

- Д. 766. Тихвинский у. Новгородской губ. (В. Четвериков, 1899 г.).
- Д. 798. Череповецкий у. Новгородской губ. (В. Антипов, 1898 г.).
- Д. 803. Череповецкий у. Новгородская губ. (В. Антипов, 1899 г.).
- Д. 806. Череповецкий у. Новгородской губ. (В. Антипов, 1899 г.).
- Д. 884. Вытегорский у. Олонецкой губ. (А. Санин, 1899 г.).
- Д. 1750. Даниловский у. Ярославской губ. (А. Балов, 1899 г.).

Сокращения

- ТА* — Тенишевский архив (Архив Российского этнографического музея. Ф. 7. Оп. 1)
- ИОЛЕАЭ* — Императорское Общество любителей естествознания, археологии и этнографии
- ИРГО* — Императорское Русское географическое общество
- SEEFA* — Slavonic and East European Association

Библиография

- Ахметова М.В.* Эсхатологические представления (Фольклорная традиция Верхокамья) // *Живая старина*. 2003. № 3. С. 44—45.
- Белоусов А.Ф.* Последние времена // *Aequinox*. Сб. памяти о. Александра Меня. М., 1991. С. 9—33.
- Беляев А.* О безбожии и антихристе. Т. 1. Подготовка, признаки и время пришествия антихриста. Сергиев Посад, 1898. 1034 с.

- Богатырев П.Г.* Верования великорусов Шенкурского у. // Этнографическое обозрение. 1916. № 3–4. С. 42–81.
- Власова М.Н.* Толки крестьян о комете 1899 года // Антропология религиозности (Альманах «Канун». Вып. 4). СПб., 1998. С. 386–396.
- Дикарев М.* Толки народа в 1895 году // Этнографическое обозрение. 1896. Кн. 28. № 1. С. 144–146.
- Дикарев М.* Толки народа в 1899 году // Этнографическое обозрение. 1900. № 1. С. 163–169.
- Дикарев М.* Толки народа: Антихрист. — Мышиный царь. — Гадюки // Этнографическое обозрение. 1895. Кн. 24. № 1. С. 125–126.
- Ефименко П.С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губ. Ч. I // Тр. этнографического отдела ИОЛЕАЭ. 1877. Т. 30. Вып. 1 (кн. 5). С. 1–221.
- Иваницкий Н.А.* Материалы по этнографии Вологодской губ. // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России / Ред. Н. Харузин. 1890. (Известия ИОЛЕАЭ. Т. LXIX. Тр. этнографического отдела. Т. XI. Вып. 1). С. 24–49.
- Иванов А.И.* Верования крестьян Орловской губ. // Этнографическое обозрение. 1900. № 4. С. 68–118.
- Иванов П.* Толки народа об урожае, войне и чуме // Этнографическое обозрение. 1901. № 3. С. 134.
- Комета.* Альбом забавных рисунков. СПб., 1881.
- Комета.* Альманах на 1830 г. [Стихи и проза]. М., 1830.
- Комета.* Иллюстрированный журнал. Киев, 1912.
- Комета.* Легенда. Одесса, 1910.
- Комета.* Литературно-художественный и политический сборник. СПб., [1906].
- Комета.* Литературно-юмористический сборник. Одесса, 1894.
- Комета.* Литературный и научный сборник на 1905 г. [СПб., 1905].
- Комета:* Учено-литературный альманах. М., 1851.
- Комета.* Юмористический журнал. Екатеринослав, 1895.
- Комета.* [Юмористический сборник]. М., 1911.
- Комета* Белы. Альманах на 1833 г. СПб., 1833.
- Комета* предсказательница. Предсказывает будущее на предложенные вопросы по магическим крестам, составлена о черной магии, в лунный год и под влиянием планет. Ростов-на-Дону, [1910].
- Комета* 1858 года, и о явлениях комет вообще, по наблюдениям многих знаменитых астрономов. СПб., 1858.
- Короленко В.Г.* На затмении // Короленко В.Г. Собр. соч.: В 10 т. Т. 3 / Подготовка текста и примеч. С.В. Короленко. М., 1954. С. 54–71 (очерк впервые напечатан в: «Русские ведомости». 1887. № 244).

- Костоловский И.* Народные поверья жителей Ярославского края // Живая старина. 1916. Приложение 5. С. 03–047.
- Левкиевская Е.Е.* Представления о «последних временах» и Конце Света в современной крестьянской традиции // Время и календарь в традиционной культуре: Тез. докл. всероссийской научной конференции. СПб., 1999. С. 190–193.
- Лесков Н.С.* Несмертельный Голован // Лесков Н.С. Собр. соч.: В 12 т. / Сост. и общ. ред. В.Ю. Троицкого. М., 1989. Т. 2. С. 94–136.
- Луцкий В.К.* История астрономических общественных организаций в СССР (1888–1941). М., 1982.
- Маслинский К.А.* Эсхатологические рассуждения современных крестьян // Традиция в фольклоре и литературе: Статьи, публикации, методические разработки преподавателей и учеников Академической гимназии СПбГУ / Ред.-сост. М.Л. Лурье. СПб., 2000. С. 91–104.
- Миловидов А.* Конец мира по учению Слова Божия и современным гипотезам естественных наук // Вера и разум. 1899. Т. 1. Кн. 3. С. 341–380.
- Панченко А.А.* Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2002.
- Плющевский-Плющик Я.А.* Суждения и толки народа об однодневной переписи 28-го января 1897 г. Материалы для истории первой всеобщей переписи народонаселения. СПб., 1898.
- Пословицы, поговорки, крылатые слова, приметы и поверья, собранные в слободе Сагунах, Острожского уезда* // Живая старина. 1905. Вып. I–II. С. 141–180.
- Рейтблат А.И.* От Бовы к Бальмонту. Очерки по истории чтения в России во второй половине XIX века. М., 1991.
- Священное Писание в народных пересказах / Подготовка текстов Е. Даньковой и К. Маслинского. Предисл. Е.В. Кулешова* // Живая старина. 1999. № 2. С. 45–46.
- Смирнов В.* Отношение деревни к войне // Костромская деревня в первое время войны (Тр. Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. 5). Кострома, 1916. С. 83–127.
- Стражева И.В.* Удивительная жизнь Фламариона. М., 1995.
- Суворов В.* Религиозно-народные поверья и сказания: записаны в Калязинском уезде Тверской губернии // Живая старина. 1899. Вып. III. С. 389–397.
- Тарабукина А.В.* Эсхатологические рассказы «церковных людей» // Антропология религиозности (Альманах «Канун». Вып. 4). 1998. С. 397–454.
- Трубецкой С.Н.* Эсхатология // Христианство: Энциклопедический словарь: В 3 т. / Под ред. С.С. Аверинцева, А.Н. Мешкова, Ю.Н. Попова. М., 1995. Т. 3. С. 268–270.

- Трунов А.Н.* Понятия крестьян Орловской губ. о природе физической и духовной // Записки ИРГО по отделению этнографии. 1869. Т. II. С. 1–48.
- Щербаков С.В.* Камилл Фламарион в оценке русских астрономов-любителей и ученых 90-х годов XIX в. // Русский астрономический календарь. 1933. С. 182–191.
- Brooks J.* When Russia Learned to Read. Literacy and Popular Literature, 1861–1917. Princeton, 1985.
- La Barre W.* Materials for a History of Studies of Crisis Cults: A Bibliographic Essay // Current Anthropology. 1971. Vol. 12. No. 1. P. 3–44.
- Lanternari V.* Nativistic and Socio-Religious Movements: A Reconsideration // Comparative Studies in Society and History. 1974. Vol. 16. No. 4. P. 483–503.
- Linton R.* 'Nativistic Movements' // American Anthropologist. 1943. Vol. XLV. P. 230–40.
- Panchenko A.* Eschatological Expectations in a Changing World: Narratives About the End of the World in Present Day Russian Folk Culture // SEEFA Journal. 2001. Vol. VI. No. 1. P. 10–25.
- Viola L.* The Peasant Nightmare: Visions of Apocalypse in the Soviet Countryside // The Journal of Modern History. 1990. Vol. 62. Issue 4. P. 747–770.
- Von Geldern J.* Life In-Between: Migration and Popular Culture in Late Imperial Russia // Russian Review. Vol. 55. No. 3. 1996. P. 365–383.